

РЕЖИМ СТРУЕНЗЕ И ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИИ

В обширной литературе о реформах датского просвещенного абсолютизма в правление Струензе (1770—1772 гг.) общепринят тезис об антирусской направленности датской политики в это время.¹ Эти утверждения вызваны недостаточным знакомством с источниками. В настоящей статье ставится задача показать иное: внешняя политика правительства Струензе не отличалась от линии его предшественника Бернсторффа и не носила антирусского характера. Правда, правление Струензе началось с падения первого министра графа Бернсторффа, известного русофильством и привязанностью к России.

Принципы своей внешней политики Струензе изложил в защитительной речи (Апологии), которую он писал в заключении в самых тяжелых условиях, прикованный цепью к стене, ожидая суда и неизбежного смертного приговора. Начала внешней политики он обосновывал следующим образом.

1. Никакого вмешательства Дании во внутренние дела других стран.

2. Никакого влияния иностранных дворов на политику Дании («Anderseits wolle der König aber fremden Mächten keinen Einfluss auf die innere Angelegenheiten seiner Rechte gestatten»)²

3. Экономия в расходах на датские миссии за границей.

¹ N. W. Wraxall. Historical Memoirs of my own Times. London, 1815, p. 78; G. Smith. The Romance of Diplomacy. London, 1861, p. 233; J. K. Høst. Geheime Kabinetminister Grev Johann Friedrich Struensee og hans Ministerium. København, 1825, bd. I, s. 97; J. M. Wehner. Struensee. Hamburg, 1928, [2-е изд.] 1938; N. H. Hansen. Caroline Mathilde, Dronning af Danmark og Norge. København, 1947, ss. 77—79; P. Lauring. A History of the Kingdom of Denmark. Copenhagen, 1960, p. 101 ff.; G. F. Jenssen-Tusch. Die Verschwörung gegen die Königin Caroline-Mathilde von Dänemark, geb. Prinzessin von Grossbritannien und Irland, und die Grafen Struensee und Brandt. Leipzig, 1864, SS. 89—90. Обзор источников и литературы вопроса см. в одноименной статье автора в «Скандинавском сборнике» (III, 1959, стр. 290—312).

² Струензе писал только по-немецки (изредка по-французски).

4. Дания должна оставаться верной союзу с Россией и ничем не вызывать подозрений («Argwohn») Петербурга. Императрица Екатерина должна получить твердую гарантию неизблемости этих начал.

5. Дания не собирается ни с кем воевать, и большая армия ей не нужна.³

До сих пор не вполне ясна обстановка, при которой Струензе, сын немецкого пастора и лейб-хирург душевнобольного монарха, смог превратиться в могущественного правителя королевства. Несмотря на большую литературу, мы не знаем, как Струензе подчинил своей воле королеву Каролину Матильду и приобрел неограниченное влияние на ее больного супруга. В нашу задачу отнюдь не входит исследование пресловутой «тайны Струензе», вдохновившей многих историков, беллетристов, драматургов и киносценаристов. Бесспорно одно: влияние королевы на Струензе и на его реформаторскую деятельность было ничтожно. Каролина Матильда не была ни образованна, ни умна, не блистала и красотой. Она не обладала жизненным опытом, ей было всего 19 лет. Если и коснуться темы Рюи Блаза, то лишь в одном аспекте. Струензе сохранял власть и могущество только пока оставался фаворитом королевы. Он сам сознавал непрочность своего положения и говорил о том, что его ждет судьба Кончини.

Конечно, нельзя рассматривать правление Струензе как результат только личной воли немецкого лейб-хирурга. Струензе был горячим поклонником Вольтера, Монтескье и Руссо, вольнодумцем и принципиальным противником дворянства, ревностным сторонником просвещенного абсолютизма. Но он не был одинок. В его лице у власти оказалась группа либеральных дворян. Именно эта группа устранила одного за другим виднейших государственных мужей — министра двора, гофмейстера графа Холька (известного враждебным отношением к проектам аграрных реформ), главу правительства графа Бернсторффа, тестя последнего, морского министра графа Даниельсильд-Лауэрвига и многих других высших чиновников и офицеров армии и флота.

О датской партии реформ иностранные дипломаты сообщали в свои столицы с конца 60-х годов. Осенью 1769 г. в донесениях из Копенгагена английского резидента Ганнинга называются деятели этой партии: норвежец камер-юнкер Варнстед, граф

³ Апология опубликована: *Schriften die in Sachen des ehemaligen Grafen Johann Friedrich Struensee bey der königl. Inquisitions-Commissionen zu Copenhagen wider und für ihn übergeben sind; mit der ihm eigenhändig entworfenen Apologie und über ihn gefällten Urtheile.* S. I., 1772, S. 100 ff.; N. H. Hansen. *Inquisitionscommissionen af 20 Januar 1772*, bd. I. Kjøbenhavn. 1927, ss. 7 ff.; G. F. Jensen-Tusch, *op. cit.*, SS. 76 ff.

Иоганн Шак-Рантцау, генерал Гелер. Рядом с этими именами появляется и имя лейб-хирурга Струензе, вступившего в придворную службу в 1768 г.⁴ В 1770 г. иностранные посланники включают в число сторонников реформ Эневольда Бранда.⁵ Авторитет Струензе рос. Французский посланник де Блоссе 12 декабря 1769 г. сообщал в Версаль, что король Христиан VII неразлучен с Варнстедом и Струензе.⁶

Одним из виднейших деятелей оппозиционного дворянства был Иоганн Шак граф Рантцау цу Ашеберг. Он родился в 1711 г. в семье голштинского магната. 59 лет были прожиты им бурно. В 1752 г. в звании генерал-майора Рантцау вступает во французскую армию, участвует в Семилетней войне, прославившись, впрочем, не воинскими подвигами, а кутежами и скандалами в доброй половине европейских столиц. В 1761 г. он появился в Петербурге, где предложил, как подданный, свою шпагу Петру III, русскому императору и герцогу Голштинии. Затем Рантцау перешел на сторону Екатерины и сыграл известную роль в перевороте 1762 г.⁷ Не получив ожидаемых наград, Рантцау покинул Россию ее злейшим врагом. Годами он вынашивал планы антирусской коалиции и мечтал о карьере нового Паткуля, вероятно не задумываясь над тем, что Паткуль в конце концов угодил на эшафот.

Мечтой Рантцау был прусско-датско-шведский союз в блоке с державами Бурбонов против России. Мысленно Рантцау уже видел себя в роли генералиссимуса союзных войск, победно вступающих в Петербург. Он надеялся, что после победы над Россией Швеция будет возвращены Выборг и Лифляндия, к Швеции отойдет и Петербург, а в благодарность признательная Швеция отдаст Данию Сконе, Пруссия же будет вознаграждена шведской Померанией. Этот фантастический план отра-

⁴ Иоганн Фридрих Струензе родился в 1737 г. в Галле в семье лютеранского пастора и теолога Адама Струензе (позднее Адам Струензе был генерал-интендентом Шлезвига и Голштинии). Род был бюргерский, дед был крупным купцом. Струензе окончил университет в Галле с дипломом врача. В 1757 г. он поселился в Альтоне, где без особого успеха занимался литературой, издавал журнал и писал в нем, отстаивая идеи французского просвещения. В 1768 г. он был зачислен в придворный штат.

⁵ E. Barthélemy. *Struensée d'après les dépêches du ministre de France à Copenhague. «Revue d'histoire diplomatique», 1887, 1, p. 91.* — Эневольд Бранд (Брандт) родился в 1738 г., воспитывался в аристократической семье отчима, барона фон Селенталля, сблизился со Струензе и позднее разделил его судьбу. Участие Бранда в реформах Струензе невелико. Он погиб на эшафоте скорее как друг реформатора, чем как его сообщник.

⁶ W. L. Reddaway. *Struensée and the Fall of Bernstorff. «English Historical Review», 1912, Apr., p. 277.*

⁷ О Рантцау в России см.: Аа. Friis. *Bernstorff og Moltke under Krisen 1762. «Historisk tidsskrift» (dansk), 9 R., h. I; E. Arup. Rantzau-Ascheberg. «Historisk tidsskrift», 8 R., h. IV.*

жал настроения части голштинских магпатов. Созрел этот план, видимо, уже в 1763 г.⁸

Как к химерам Рантцау отнеслись в Копенгагене? Военным министром Дании был осторожный француз — граф Сен-Жермен (будущий военный министр Людовика XVI). Он опасался авантюры Рантцау, хотя и не придавал им большого значения.⁹ Английские дипломаты в Копенгагене по-разному расценивали горячечные планы Рантцау. Резидент Ганнинг считал Рантцау упрямым, волевым и опасным субъектом. Посланник Великобритании Кейт заявлял, что Рантцау болтун, incapable ни на какое серьезное дело («he is incapable of business»)¹⁰. Струензе никогда не разделял планов Рантцау. Так же относились к этим планам и военные сподвижники Струензе — Фалькеншильд и Гелер. В сущности химеры Рантцау никто не принимал всерьез.

В лагерь либеральных дворян Рантцау привели грандиозные долги, безмерное честолюбие, яростная злоба против России и абсолютнейшая беспринципность. Совестью он не был обременен. Было прожито состояние отца, и быстро ушло имущество жены. Современники, без сомнения, преувеличивали влияние Рантцау на Струензе. Источники не подтверждают слухов о том, будто бы накануне заграничной поездки короля Струензе, сопровождавший Христиана VII, получил от Рантцау какие-то тайные инструкции. Единственное и притом весьма слабое доказательство — это слова Бернсторффа, объяснявшего свою опалу интригой Рантцау. В письме племяннику, впоследствии знаменитому датскому государственному деятелю Бернсторффу Младшему, оставленный вельможа писал 22 августа 1771 г., что рукою Струензе водил Рантцау.¹¹ Сам Струензе в «Апологии» категорически отвергал это утверждение.¹² Пастор Балтазар Мюнтер, автор нашумевшей книги об «обращении» Струензе, которого он исповедовал перед казнью, вынужден был отметить, что во время заграничной поездки короля Струензе не преследовал никаких политических целей.¹³

Весной 1770 г. Струензе был возведен в ранг конференц-советника и одновременно он назначался королевским чтецом

⁸ Письмо военного министра Дании Сен-Жермена генералу Гелеру 25 сентября 1763 г. («Dansk Magazin», 6 R., h. IV), см. также его письма Гелеру 17 сентября и 1 октября 1770 г. (N. H. Hansen, op. cit., bd. I, №№ 1365, 1367).

⁹ Письмо Сен-Жермена графу фон Шметтау 25 сентября 1763 г. («Dansk Magazin», 6 R., h. IV, s. 54; C. L. de Sainte-Germaine. Mémoires. Amsterdam, 1775, pp. 71—75).

¹⁰ «Dansk Magazin», 3 R., h. V, ss. 199—200.

¹¹ Udvalgte Breve. Betenknningar og optegnelser af J. O. Schak-Rathlows Arkiv 1760—1800. København, 1936, ss. 254—257.

¹² Schriften die in Sachen... S. 80.

¹³ B. M ü n t e r. Bekehrungsgeschichte des vormaligen Grafen Joh. Fr. Struensee. Leipzig, 1773, SS. 167, 244.

(lecteur du roi) и тайным секретарем королевы. Ранг конференц-советника означал возведение в дворянское достоинство. В июне королевская чета направилась в месячную поездку в Голштинию. В свите монархов находились Хольк, Бернсторфф и Струензе. Еще 8 мая де Блоссе сообщал, что поездка предпринимается по инициативе Струензе.¹⁴ В «Апологии» Струензе утверждал, что поездка была задумана Хольком, желавшим укрепить свое положение.¹⁵ Так или иначе, вскоре последовало падение Холька, а затем и Бернсторффа. Правда, непонятно, зачем для удаления в отставку министров надо было увезти короля из столицы. Еще 12 июня 1770 г. де Блоссе доносил своему правительству о серьезной озабоченности русского посланника в Копенгагене М. М. Философова растущим авторитетом Струензе. По словам де Блоссе, М. М. Философов добивается удаления Струензе от двора.¹⁶

Но вернемся к королевскому поезду. 18 июня кареты королевской четы и свиты тронулись из столицы и на другой день прибыли в Травенталь. Через день король со свитой посетил Рантцау в его родовом поместье Ашеберг.¹⁷ Видимо, здесь Струензе и Рантцау договорились о деталях плана смещения высших сановников. 20 июня король и королева гостят в Готторпе у ландграфа Карла Гессенского, королевского наместника Шлезвига и Голштинии.¹⁸ Ландграф в мемуарах с удивлением констатировал власть Струензе над Христианом VII и еще более — над королевой. Это влияние ландграф приписал коварным замыслам Струензе.¹⁹ В Готторпе к свите присоединился Бранд, еще недавно изгнанный Хольком и несколько месяцев проведенный во Франции. Затем под предлогом тесноты Травентальского замка Струензе добился повеления девяти придворным возвратиться в столицу, и среди них находился Хольк. 17 июля Бернсторфф писал племяннику об отставке Холька с поста суперинтендента двора, а 27 июля он сообщил о полном удалении Холька от службы.²⁰

Когда расстроенный Бернсторфф недоуменно спросил короля о причинах опалы, постигшей Холька, Христиан беспомощно развел руками: «Так пожелал Струензе!».

¹⁴ E. Barthélemy, op. cit., p. 91.

¹⁵ Schriften die in Sachen..., SS. 80—81.

¹⁶ E. Barthélemy, op. cit., p. 42.

¹⁷ N. P. Hansen. Inquisitinskommissionen..., bd. V, № 1685.

¹⁸ Ландграф Карл Гессенский был связан с датской королевской семьей тройным родством: его жена — сестра Христиана VII, жена его брата была дочерью покойного Фредерика V, супруга Фредерика V была теткой ландграфа. Карл был умеренным либералом, о чем свидетельствуют его мемуары: *Mémoires de mon temps par landgrave Charles, Prince de Hesse*. Copenhague, 1861.

¹⁹ Ibid., pp. 52—54.

²⁰ Aa. Friis. Bernstorffsche Papere, 1904, bd. 1, 27 VII 1770.

В Травенталь спешно был вызван Рантцау и, по словам отлично информированного швейцарца Ревердила, так сформировался триумвират из Струензе, Бранда и Рантцау.²¹ Три человека отныне управляли если не государством, то безумным ковром.

Очень скоро в жертву триумвирату был присесен Бернсторфф. Его падение предвидели. Русский посланник пытался предотвратить уход первого министра.

Уже визит короля к Рантцау в Ашеберг был расценен в Петербурге как антирусская демонстрация. Правительству Екатерины было хорошо известно, что за птица Рантцау. Когда король возвратился из Ашеберга в Травенталь, Бернсторфф представил ему меморандум Философова о серьезной озабоченности императрицы выдвижением Рантцау на первый план. Меморандум, однако, попал в руки Струензе и до короля не дошел.

Недовольство Петербурга объяснялось, разумеется, более глубокими причинами, чем личная неприязнь императрицы к Рантцау. Датско-русский договор 1767 г. об отказе России от прав на Голштинию и Шлезвиг еще не вступил в силу.²² Приближение Рантцау ко двору могло принести России обострение спора из-за Голштинии.

24 августа 1770 г. Христиан с супругой вернулись в столицу и направились в свою летнюю резиденцию замок Гиршгольм. Здесь 15 сентября 1770 г. был подписан рескрипт, которым король уведомлял своего первого министра, что более не нуждается в его услугах и увольняет его с пенсией в 6000 риксдалеров в год. Горькая пилюля золотилась: Бернсторфф оставался членом Тайного совета. На следующий день опальный министр просил монарха освободить его от обязанностей члена Тайного совета; излишне говорить, что его просьба была охотно

²¹ E. S. F. Reverdil. *Struensee et la cour de Copenhague. 1760—1772.* Paris, 1858, p. 161.

²² Датско-русский спор из-за Голштинии начался еще в 1713 г. Копенгагенским договором 22 апреля 1767 г. Екатерина II, как опекун великого князя Павла Петровича, отказывалась от наследственных прав на герцогства Шлезвиг и Голштинию. Датский король отказывался от графств Ольденбург и Дельменхорст, которые перейдут к младшей линии Голштинского дома. Россия и Дания отказывались от притязаний на суверенитет над Гамбургом, причем задолженность великого князя Гамбургу в сумме 338 000 талеров принималась королем. Дания отказывалась от феодальных прав на Гамбург, Зегеборг и Готторп, на получение от Зегеборга и Готторпа ежегодной дани пивом, вином и продовольствием, от права на похоронный звон в Гамбурге по умершем датском монархе и т. п. Вступление в силу договора об обмене владений откладывалось до совершеннолетия Павла Петровича. Окончательный отказ России от Голштинии закреплен датско-русским договором в 1773 г., а официальное присоединение Голштинии к Дании провозглашено 9 сентября 1806 г. См.: Н. Д. Чечулин. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II, 1762—1774. СПб., 1896, стр. 177—178; J. Bremer. *Geschichte Schleswig-Holsteins.* Kiel, 1864, SS. 345—346.

уважена. И, наконец, 3 октября 1770 г. Христиан VII изгонял Бернсторффа из столицы холодно-любезным письмом: «Я желаю Вам, господин граф, доброго и счастливого пути. Я всегда с удовольствием приму добрую весть о Вашем здоровье и преуспевании. Считайте неизменным мое благоволение. Христиан».²³ Бернсторфф уехал в Гамбург. Его политическая карьера была кончена. Он пережил падение своего врага — Струензе — всего на несколько дней.

Бернсторфф соединял в своем лице обязанности первого министра и секретаря по внешним делам (т. е. министра иностранных дел). Эти посты требовали немедленной замены. Струензе как отец короля вел почту монарха, и на этом основании он сохранил за собой фактическое положение первого министра. Портфель руководителя иностранного ведомства не был предложен Рантцау, который этого поста страстно добивался. Можно не сомневаться, что Струензе не предложил портфель министра иностранных дел Рантцау, так как не желал резкой реакции Петербурга. С другой стороны, он явно не доверял своему союзнику.

Пост министра иностранных дел временно оставался вакантным. Рантцау же пришлось удовольствоваться назначением на должности командира лейб-полка королевы, коменданта крепости Глюкстад и второго депутата в генералитет- и комиссариатс-коллегии (заместителя военного министра). Итак, с началом всевластия Струензе Рантцау получал всего лишь второстепенные посты. Первым депутатом военного ведомства (военным министром) стал генерал Гелер. Вскоре был отозван с русской службы полковник Фалькеншильд, которому были поручены реформы в армии.²⁴ Бранд не добивался и не приобрел никаких постов. Иностранцы наблюдатели единодушно характеризовали его как человека энергичного, образованного и неглупого, но поверхностного, неглубокого и бонвивана.²⁵

С падением Бернсторффа установилось единовластие Струензе если не юридическое, то фактическое. Здесь мы не можем останавливаться на реформах Струензе, это выполнено нами в осо-

²³ Correspondance ministérielle du comte J. H. S. Bernstorff 1754—1770. Publié par P. Vessel, v. II. Copenhagen, 1882. p. 468.

²⁴ Отто Сенека фон Фалкеншильд (1738—1820) — выходец из датской аристократии, профессиональный военный, в годы Семилетней войны служил во французской армии, в 1768 г. перешел в русскую службу и участвовал в русско-турецкой войне 1768—1774 гг. В русской армии имел чин бригадира. После падения Струензе был арестован, приговорен к пожизненному заключению; через четыре года освобожден и уехал в Швейцарию, где и умер. Автор ценных мемуаров: *Mémoires de M. de Falckenskjöld. . . à l'époque du ministère et de la catastrophe du comte de Struensee*. Paris, 1826.

²⁵ L. Koch. Struensees parti. «Historisk tidsskrift» (dansk), 1894, I, ss. 63 ff.

бом исследовании.²⁶ За 16 месяцев Струензе издал 1069 законов. Они выходили из-под его пера каскадом, по несколько в день, они касались и важнейших проблем, и второстепенных положений. Законодатель интересовался всем: упразднил Тайный совет, ввел полнейшую свободу печати и отменил цензуру, провозгласил веротерпимость, равенство всех перед судом, гласность и публичность суда, отмену цехов, равноправие евреев, запретил дискриминацию внебрачных детей, ввел оспопрививание и лечение венерических болезней, открывал новые специальные высшие учебные заведения, казино и лотереи, облегчил крестьянские повинности и пр. Хотя многие законодательные акты были непродуманны, не доведены до конца, это были бесспорно буржуазные реформы, призванные облегчить развитие капитализма в стране. Техника законодательства была упрощена до предела. Струензе лично писал текст рескрипта (не забывая ни о форме, ни о соблюдении норм канцелярского ритуала, всегда только по-немецки), получал визу короля (ни разу не встретив отказа), и указ перебеливался как волеизъявление монарха. В конце правления Струензе стал кабинет-министром (этот пост не существовал ранее) с властью, еще невиданной в стране. Он стал подписывать кабинетс-ордера именем короля безо всякой высочайшей визы. Иначе говоря, прерогативы короля были делегированы первому министру!

Правление Струензе было непродолжительным. Прогрессивные реформы снискали яростную ненависть аристократии. Закрывшие ряды мануфактур как убыточных привело к безработице. Множество чиновников и офицеров было уволено без пенсии. Режим не имел опоры в народе. В ночь на 17 января 1772 г. заговор придворных покончил с правлением Струензе — он был арестован. Судебный процесс Струензе и его друга Бранда был судебной комедией. Обвиненные в оскорблении величества, дурном обращении с королем и расхищении казны Струензе и Бранд погибли на эшафоте 28 апреля 1772 г.

Нашей задачей является, впрочем, лишь освещение дипломатических отношений нового датского режима с Россией.

Одним из первых самостоятельных актов Струензе была попытка завоевать доверие и признание Екатерины II. Уже 16 сентября 1770 г. в Петербург отправился адъютант короля, камер-юнкер Варнстед с личным посланием Христиана VII русской императрице. Послание писано рукою Струензе. В нем объяснялась отставка Бернсторффа: она вызвана «побуждениями, относящимися единственно к внутреннему управлению государства». Король заверял Екатерину в том, что «сия перемена не

²⁶ М. А. Коган. Просвещенный абсолютизм в Дании. Реформы Струензе (1770—1772). «Скандинавский сборник», XII, 1967, стр. 107—127.

вызовет никакого уклонения в наших делах», что он, Христиан VII, преисполнен желанием «всего наиначе поддержать постоянное доброе согласие между Данией и Россией». ²⁷ Русскому правительству приписались заверения в неизменности внешней политики Дании.

Послание Струензе русской государыне, — вероятно, единственное в истории дипломатии. Столь мгновенно превратившийся из придворного эскулапа в правителя королевства Струензе самоуверенно не подумал о необходимости консультации с опытными чиновниками иностранного ведомства. Он не знал тонкостей дипломатического протокола. Обращения датских королев к русским императорам, носившим титул герцогов Голштинских, требовали строгого канона. Струензе же написал императрице «Мадам», вместо «Государыня, сестра моя!». И вместо заключительной формулы, традиционной в послании монарха царственной особе: «Засим молю бога осенить Вас своим священным покровом», письмо завершалось уж вовсе не по-королевски: «Имею честь пребывать в. и. в. низжайшим и преданнейшим слугою». ²⁸ Струензе писал на этот раз по-французски. Не только форма послания была неудачной. Для вручения важного письма короля требовался и более солидный представитель, чем простой паж. Датский посланник в Петербурге фон Шеель был шокирован выбором Варистеда в качестве чрезвычайного посла. ²⁹ Сам Шеель и его супруга уже длительное время не получали приглашений к высочайшему двору в Петербурге. ³⁰

Неодобрение Екатерины II всему, что происходило в Дании, было совершенно естественным. Переписка императрицы с ее постоянной корреспонденткой госпожой Бьельке в Гамбурге содержит немало любопытных штрихов. Так, несколько позднее, 25 декабря 1770 г., Екатерина писала в Гамбург: «При виде постоянных смут в Дании можно подумать, что эта страна кишит людьми, способными занимать высшие посты: там беспрестанно перемещают и смещают (*à tout moment l'on y change et l'on y envoie, l'on place et déplace*) с такой легкостью, как если бы королева меняла юбки». О Варистеде императрица в этом же письме отзывалась совершенно определенно — «*morveau*» (переведем эвфемистически — «молокосос»). Далее мы читаем: «Мне хотелось бы, чтоб Раитцау поскорее сделали великим визирем, если

²⁷ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. XIV, тт. 27—28. М., 1965, стр. 432.

²⁸ E. Holm. Styrelsen af Danmark-Norges Udenrigspolitik under Struensee. «Historisk tidsskrift» (dansk), 4 R., h. II, ss. 338—339; E. S. F. Rørdil, op. cit., p. 130.

²⁹ E. Holm, op. cit., ss. 352—353 (депеша фон Шееля 9 октября 1770 г.).

³⁰ Jenssen-Tusch, op. cit., S. 71.

он — причина тамошнего зла, ибо с ним непременно произойдет то, что обычно случается с визирями... Не сладко нынче жить в датской Турции».³¹

Три недели дождался Варнстед аудиенции у императрицы Екатерины. Только 18 октября 1770 г. он получил ответ русской дащицы. Она выражала сожаление по поводу отставки «верного Бернсторффа», в котором привыкла видеть «второго Панина». Екатерина высказывала опасение, что «общие враги Дании и России — французы — сумеют воспользоваться падением дружественного русскому правительству Бернсторффа».³² Ревердиль сообщает, что Варнстед, кроме послания короля Христиана, доставил в Петербург тайное письмо Струензе на имя Григория Орлова, считавшегося личным противником Панина.³³ К сожалению, мы не знаем содержания этого письма (уверенности в том, что оно существовало, у нас нет). В наших архивах найти это письмо не удалось. Быть может, в нем шла речь о распространении принципа наибольшего благоприятствования на датские суда в портах Российской империи. Быть может, в письме говорилось о прочности совместных обязательств Петербурга и Копенгагена в отношении Швеции. Еще в 1769 г. Россия и Дания подписали тайную декларацию о совместной политике в Швеции, где оба правительства единодушно поддерживали партию колпаков. В январе 1770 г. оба правительства доставили в Стокгольм по 50 000 далеров для подкупа лидеров колпаков.³⁴

В то время как Варнстед, меняя лошадей, через Швецию направлялся в Россию, русский посланник в Копенгагене М. М. Философов продолжал действовать по личной инициативе (инструкции Панина не могли еще до него дойти). 15 сентября 1770 г. он выразил королю протест против выдвижения Рантцау и отставки Бернсторффа. Протест русского посланника нарушал все нормы дипломатического такта, и датское правительство реагировало также необычным образом. Философов получил сообщение о том, что ему запрещается появляться при датском дворе. В те времена такое заявление было равнозначно современному объявлению посла персоной нон грата. Вскоре М. М. Философов был отозван в Петербург под предлогом расстроенного здоровья. Струензе не допустил даже прощальной аудиенции для вручения русским посланником отзывных грамот. Новый посланник

³¹ Сборник Русского исторического общества (далее — сб. РИО), т. XIII, 1874, стр. 57 (перевод наш). — Любопытно, что в этом же письме Екатерина гордится своим «Наказом», начала которого были (по ее словам) столь непохожи на принципы политики Струензе.

³² С. М. Соловьев, ук. соч., стр. 433.

³³ E. S. F. Reverdil, op. cit., p. 172.

³⁴ Н. Д. Чечулин. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II, стр. 177—178.

России не был назначен, и поверенным в делах империи оставлялся первый секретарь миссии И. И. Местмахер,³⁵ по словам Никиты Панина, «человек, способный для примечания тамошнего коллобродства».³⁶

Практически в отношениях Дании и России мало что изменилось. Характерно, что столичная газета «Санктпетербургские ведомости» в сочувственных тонах помещала известия из Копенгагена. Так, в депеше из датской столицы от 26 марта 1771 г. сообщалось: «В обе канцелярии³⁷ послан указ в такой силе, чтобы впредь подданные низкого состояния, имеющие долги на знатных господ, получали принадлежащее им без затруднения и по строгости законов. Есть ли же в иных случаях данные вольности и преимущества будут препятствием в учинении правосудия, то должно оные ограничить, да и самое баронское и графское достоинство не должно никого защищать от уплаты долгов».³⁸ В «Санктпетербургских ведомостях» русские читатели видели и другое сообщение из Копенгагена: «По указу королевского кабинета должно впредь тех солдатских детей, коих сами родители воспитать не могут, отводить в сиропитательный дом; и по силе оного же указа позволяется всем солдатам жениться, если хотя отдавать своих детей в помянутое воспитание».³⁹ Впрочем, та же газета подробно сообщала об аресте Струензе и Бранда (3 февраля 1772 г.), о радости в Копенгагене (7 февраля 1772 г.), об аннулировании всех указов с 15 сентября 1770 г. по 17 января 1772 г., об упразднении ордена Матильды (одно из эфемерных творений Струензе) и о казни Струензе и Бранда «за великие их преступления и злодейства» (11 мая 1772 г.).

Императрица Екатерина не скрывала враждебности реформам в Дании. Однако, несмотря на это, оба государства сохраняли сдержанные, но вполне корректные отношения. Для характеристики того, как Екатерина представляла себе происходящее в Дании, приведем слова ее письма. Так, 13 (24) сентября 1770 г. императрица писала своей гамбургской корреспондентке госпоже Бьельке: «Ужасы в Дании... поистине превосходят в ряде случаев поступки [султана] Мустафы и французского посланника».⁴⁰ Далее Екатерина обрушилась на систему «эмилев-

³⁵ Иван Иванович Местмахер (1736—1805), барон, впоследствии посланник России в Мюнхене.

³⁶ С. М. Соловьев, ук. соч., стр. 433.

³⁷ В системе датской центральной администрации имелись две канцелярии — датская (для Дании и Норвегии) и немецкая (для Шлезвига, Гольштейна и Ольденбурга).

³⁸ «Санктпетербургские ведомости», 10 июня 1771 г.

³⁹ Там же, 17 июня 1771 г.

⁴⁰ Французский посланник в Турции граф де Верженн был избит толпой на улице Стамбула.

ского воспитания».⁴¹ 11 (22) декабря 1770 г. императрица пишет в Гамбург: «Меня несколько более не удивляет все то, что происходит в Копенгагене... Все это жалкий мальчишеский сброд (un assemblage d'enfantillages)». ⁴² При зачислении на русскую службу барона Ассбургга, уволенного без пенсии из датской армии,⁴³ Екатерина писала ему: «Не подумайте, что Екатерина Вторая изберет Рантцау или Струензе с Гелером поверенными своих драгоценнейших тайн; она их не знает и видела от них так много зла, что не захочет поставить их к себе в такие близкие отношения». ⁴⁴ Еще более резко пишет царица Бьельке в Гамбург 4 января 1772 г.: «Дания жалка (Le D. fait pitié). Там взрослые дети не умеют вести себя, как же Вы хотите, чтобы они были иными? В них ни мудрости змия, ни силы льва. Г-н Пилюля [Струензе], по-моему, жалкий господин (un pauvre sire selon moi); он производит дьявольское несварение желудка в стране, которой правит». ⁴⁵

Несмотря на столь категорические оценки императрицы, Местмахер неизменно получал от Никиты Панина указания «держаться золотой середины между требовательностью и уступчивостью». Заветное желание императрицы, писал Местмахеру Панин, «видеть вновь графа Бернсторффа во главе управления, но нельзя упускать из виду соображений о необходимости умеренности. Я отдаю Вам справедливость, что Вы умели в поведении Вашем найти средину между сохранением благопристойности и твердым настоящим о всем том, что касается наших интересов». ⁴⁶

25 декабря 1770 г. датским министром иностранных дел был назначен граф Остен, до того занимавший пост датского посланника при святейшем престоле. Должность руководителя иностранного ведомства Остен занял не случайно. В прошлом, еще при Елизавете Петровне, он был посланником Дании в Петербурге, хорошо знал Никиту Панина, имел русские ордена. Давнишняя дружба связывала Остена со Stanisлавом Попятовским, с которым он вместе учился в Лейпцигском университете. Остен стал министром иностранных дел потому, что его кандидатура должна была быть угодной Петербургу. В литературе

⁴¹ Сб. РИО, XIII, стр. 36—37. — Струензе руководил воспитанием кронпринца, строго следуя рецептам Руссо: ребенка приучали к холоду, он ходил босиком, спал при открытом окне, была изгнана перина, в меню не допускалось мясо, включались сырые овощи и т. д. Молва об этих «ужасах» системы автора «Эмиля», об «истязаниях ребенка» дошла до Петербурга. Впоследствии «дурное и жестокое отношение» к кронпринцу будет фигурировать в обвинительном акте по делу Струензе.

⁴² Сб. РИО, XIII, стр. 53.

⁴³ Falckenstjöld, op. cit., p. 112.

⁴⁴ Сб. РИО, XIII, стр. 89.

⁴⁵ Там же, стр. 210.

⁴⁶ С. М. Соловьев, ук. соч., стр. 532.

не отмечено то обстоятельство, что при назначении Остена учитывались его давние связи с русофильской аристократией Польши. Как посланник в Петербурге, он являлся одновременно и поверенным в делах семьи Чарторийских в России. Местмахер неоднократно сообщал Панину, что нет сомнений в искренней преданности Остена России. Местмахер заявил Остену, что императрица Екатерина вполне удовлетворена его назначением. В ответ Остен заявил, что он никогда не принял бы такой пост, если бы сомневался в желании датского двора иметь самые лучшие отношения с великой Россией. Когда же русский поверенный в делах возразил, что этим словам противоречит тот факт, что заклятый враг России Рантцау близок к датскому двору, Остен твердо ответил, что Рантцау обладает в Дании ничтожным влиянием.⁴⁷ Остен не блистал ни талантами, ни высокой культурой. Это был заурядный чиновник. Де Блоссе доносил в Версаль, что Остен «стал министром не благодаря талантам, — их у него нет, и не за заслуги, которых имел немного, а только потому, что он угоден Петербургу».⁴⁸

Отозванный с русской службы полковник Фалькеншильд по приезде в датскую столицу увидел здесь мало веселого. По его словам, в Копенгагене «неутомимо трудился Рантцау, окруживший себя верными людьми». В качестве заместителя военного министра Рантцау раздавал воинские звания, возводя лейтенантов прямо в полковники, ежедневно принимал множество посетителей, сеял слухи и искусно старался формировать общественное мнение. С маниакальным упорством он пропагандировал идею войны против России. Мечтой Рантцау было «изгнание России из Карелии, изгнание Екатерины из Петербурга».⁴⁹

Фалькеншильд немедленно по приезде был принят Струензе. Кадровый военный, Фалькеншильд был высокообразованным человеком с либеральными взглядами. В мемуарах, появившихся уже после его смерти, заметно влияние Монтескье. Так, стремясь объяснить, почему Дания проигрывала одну за другой войны и неизменно побеждала Швеция, Фалькеншильд приходит к выводу о закономерности этих поражений: в Дании существует «феодалное рабство», которого Швеция не знает (этот пример взят у Монтескье). В приложениях к мемуарам помещены замечания Фалькеншильда о военных кампаниях революции и Наполеона, из которых видно, что автор ясно понимал причины побед французских армий над войсками феодальных держав. Струензе выслушал собеседника чрезвычайно внимательно. Аргументы Фалькеншильда были прежде всего соображениями военного: война маленькой Дании против величай-

⁴⁷ Там же, стр. 434.

⁴⁸ E. Barthélemy, *op. cit.*, p. 107.

⁴⁹ Falckenskjold, *op. cit.*, pp. 113—114.

шей державы Европы приведет лишь к гибели датского королевства. В войну вступит Пруссия, Дания будет ею поглощена. По словам Фалькеншильда, он встретил у Струензе полное понимание. Явная авантюристичность идеи антирусской войны и влияние Фалькеншильда сделали свое дело. Через три месяца после приезда Фалькеншильда в Копенгаген антирусская партия голштинских помещиков во главе с Рантцау утратила всякое значение. Разговоры о войне против России стали вызывать только насмешки и считаться бредом.⁵⁰

О серьезном желании Струензе добиться лучших отношений с Россией свидетельствует миссия Фалькеншильда, отправленного в Петербург чрезвычайным послом. Задача Фалькеншильда была не из легких, и сформулирована она была туманно. Посол должен был заверить императрицу Екатерину в самом дружественном расположении датского правительства. Более того, Дания пзъявляла готовность помочь России в турецкой войне, однако только флотом и лишь на Средиземном море. Это означало, конечно, готовность помочь России в морской войне против Турции, но не против Швеции. Говорить о мощи датской армии не приходилось, хотя страна и имела вооруженные силы, непропорционально крупные для малого государства.⁵¹ Однако Дания имела в строю семь линейных кораблей и четыре фрегата — по масштабам века это были мощные морские силы.⁵² Фалькеншильд скупо сообщает о своей миссии в русскую столицу. Ему поручалось установить контакты с Никитой Паниным и Григорием Орловым.⁵³ Можно не сомневаться, что выбор посла в Петербург пал на Фалькеншильда прежде всего потому, что он являлся бригадиром русской службы, бывал ранее в Петербурге, немного владел русским языком.

Вопрос о вступлении Дании в войну на стороне России не являлся новым. Еще в апреле 1771 г., до приезда Фалькеншильда в русскую столицу, правительство Екатерины II предложило Дании заем в 400 000 рублей при условии помощи России в турецкой войне.⁵⁴ Но Россия добивалась действий датского военного

⁵⁰ Ibid., p. 114.

⁵¹ В 1762 г. Дания имела 17 пехотных полков, 10 кавалерийских, полки кавалергардов и гусар. Кроме того, Норвегия могла выставить 2 полка ландвера и 5 драгунских полков. Сверх этих сил имелись датский и порвежский лейб-гвардейские полки, лейб-полк королевы, полк кронпринца, зелаидский, голштинский, фальстерский и ольденбургский полки. Эти вооруженные силы имела страна с населением менее миллиона. Во время Семилетней войны Дания, не участвовавшая в конфликте, держала под ружьем, кроме того, многочисленный ландвер. См.: *Urkunde und Materialien zur nähern Kenntnisse der Geschichte... Nordischer Reiche*, 2 Th., S. 1, 1789, S. 356.

⁵² Ibid.

⁵³ *Falckenskjold*, op. cit., pp. 119—120.

⁵⁴ Допесения фон Шееля 30 апреля, 14 и 17 мая, 7 июня 1771 г. (Е. Нолм, op. cit., s. 404 ff.).

флота не против Турции и вовсе не на Средиземном море. Там, на юге, русская эскадра значительно превосходила силы турок и без датских кораблей, зато на Балтийском море в случае войны России и Швеции датский флот мог воспрепятствовать шведским военным судам и помешать попыткам шведов высадить десант в районе Петербурга.⁵⁵

В русской столице Фалькеншильд пробыл с 6 июня 1771 г. до конца июля.⁵⁶ Если судить о результатах его миссии под углом зрения, был или не был заключен военный союз с Россией, то миссия оказалась неудачной: договор не был подписан. Не был решен и вопрос о займе Дании. Но чрезвычайного посла приняли высшие сановники России Панин и Григорий Орлов. Было достигнуто главное — климат русско-датских отношений заметно улучшился. К концу 1771 г., а это был и конец правления Струензе, отношения России и Дании стали гораздо более тесными, чем до того. Характерно донесение Местмахера 29 ноября 1771 г. — он передал в Петербург слова Остена о том, что «в Копенгагене все думают теперь по-русски. Если бы кабинет в Санкт-Петербурге обратил внимание на Струензе, то последний был бы полностью в русских руках».⁵⁷ Тезис об антирусской направленности внешней политики Струензе следует считать несостоятельным уже хотя бы потому, что, как показывают факты, Струензе был низложен и казнен аристократией, резко враждебной России, и во главе этой знати стоял Рантцау.⁵⁸

Местмахер, впрочем, принес Остену поздравления с успехом переворота, выразив, однако, удивление, почему вся слава этого знаменательного события приписывается одному Рантцау. Нотки опасения сквозили в официальном поздравлении представителя России: не окажется ли на этот раз Рантцау у кормила власти? 18 января 1772 г. Местмахер донес в Петербург о падении и аресте Струензе и его соратников — Гелера, Фалькеншильда, Бранда и других. Он полагал, что Струензе не избежит эшафота. «Говорят, — писал Местмахер, — что если его оставят в живых, то Каролина Матильда освободит его, и тогда надо ожидать расправ и мести, а со стороны народа — бунта».⁵⁹ Версия о возможном возвращении арестованной Каролины Матильды и о мести с ее стороны была странной, но императрица Екатерина считала вероятным такой поворот событий.

⁵⁵ Falckenskjold, op. cit., p. 122.

⁵⁶ О миссии Фалькеншильда см.: Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Сношения России с Данией, оп. 5, дд. 248—252. См. также: F. Raumer, Beiträge zur neueren Geschichte aus dem britischen und französischen Reichsarchiv, III Th., Bd. III, Leipzig, SS. 157 ff.

⁵⁷ F. Raumer, op. cit., S. 158.

⁵⁸ F. Schiern, Bidrag til oplysning af katastrofen den 17 Januar 1772. «Historisk tidsskrift» (dansk), 4 R., h. II.

⁵⁹ АВПР, ф. Сношения России с Данией, оп. 5, д. 248. См. также: С. М. Соловьев, ук. соч., стр. 603.

Получив донесение Местмахера, Екатерина писала Панину: «Если опасаются королевина мщения, то более оно еще опасаться имеют, если она найдет своих фаворитов умерщвленными, нежели их в живых увидит, то не в сем дело состоит. Мое мнение есть, что если датчане дозволят своему слабому государю разговеться и кровь проливать единожды, то он им всем, а по крайней мере многим, головы пересечет. Напишите сие с первой почтой Местмахеру».⁶⁰ Таким образом, императрица полагала, что смертный приговор Струензе может повлечь месть Каролины Матильды, а поэтому следует смягчить участь павшего правителя. Кроме этих соображений, Екатерина, столь любившая играть роль просвещенной и гуманной государыни, охотно рассуждала о своем отвращении к смертной казни.

В письме к Бельке 1 (12) марта 1772 г. Екатерина выражала скорбь по поводу кончины Бернсторффа. «Я полагаю, — писала царица, — что с Бернсторффом надолго погребены и порядок и счастье Дании. Что бы ни говорили, я глубоко убеждена, что все, теперь содеянное, там непрочное. Я бы даже не удивилась, если б на сцене вновь появилась королева Матильда. Признаюсь, трудно поверить всему, что рассказывают о планах этой королевы и ее г-на Пиллюли».⁶¹ Здесь Екатерина проявила здравый скепсис к фантастической версии переворота 17 января: арест временщика предотвратил убийство короля и женитьбу Струензе на королеве! Далее мы читаем: «Но что подумать о монархе, который сначала добровольно подписал свое отречение от власти, а ныне так шумит и, пожалуй, велит отрубить головы тем, кто это отречение писал?».⁶²

Узнав о смертном приговоре Струензе и Бранду, императрица писала Бельке 28 апреля 1772 г.: «Дела в Дании внушают ужас. Как можно рубить головы этим несчастным? Неужели их хотят покарать за то, что их повелитель не умеет царствовать?». Русская самодержица недаром прилежно штудировала Монтезкье. Она обладала известной юридической грамотностью, и поэтому могла позволить себе осуждающие слова по поводу инквизиционного процесса, в котором следователи являются одновременно и судьями. «У датчан стороны в процессе являются и судьями», — продолжала императрица (отметим в скобках, что инквизиционный процесс в России отменен только судебными реформами 1864 г.). «Волосы становятся дыбом (*cela fait dresser les cheveux*), когда думаешь об этом, здесь нет ни малейшего здравого смысла. . . Ужасно иметь дело с людьми, у которых мозги набекрень (*c'est une terrible chose d'avoir affaire à de cervelles dérangées*)».⁶³

⁶⁰ АВПР, ф. Сношения России с Данией, оп. 5, д. 248. — Екатерина писала по-русски (не сильна она была в русском языке!). Даты нет.

⁶¹ Сб. РИО, XIII, стр. 220.

⁶² Там же, стр. 221.

⁶³ Там же, стр. 237—238.

С деланным возмущением писала Екатерина и о казни Струензе и Бранда. «Я содрогаюсь перед юридическими убийствами, сопровождающимися теми жестокостями, которые только что произошли в Дании. Ум и сердце возмущены против жестокостей и жестоких людей», — прекраснoдушно писала Екатерина Бьельке 12 мая 1772 г.⁶⁴ Отметим, что императрицу возмущает не столько смертный приговор в Дании, сколько его варварский характер (Струензе отрубили сначала правую руку, затем голову, и тело было четвертовано)... И писала императрица эти слова всего за два года и восемь месяцев до варварской казни Пугачева. 25 июня 1772 г. в письме Бьельке мы читаем: «Быть жестоким... значит нарушать обязанности к самому себе и к обществу — вот это и произошло в Дании».⁶⁵ Совсем восьмая статья Декларации прав человека и гражданина! Конечно, Екатерина и здесь цитирует Монтескье.

Летом 1772 г. Екатерине в руки попала «Апология» Струензе. 9 августа 1772 г. письмо императрицы Бьельке вдруг заполнено словами о полной невиновности Струензе и Бранда. «Прочитав „Апологию“ несчастных, ... я более чем когда-либо убеждена, что они умерли невиновными и что в их поступках не было ничего такого, за что и ребенка, по-моему, следовало высечь. Особенно же невиновен Бранд, вот, по-моему голова, отрубленная зря (*bien lestement*)».⁶⁶ Насколько эти излияния противоречили облику дворянской царицы, этой «души Брута с чарами Клеопатры», по словам Дидро, и «Тартюфа в юбке», по меткой характеристике Пушкина, вряд ли необходимо говорить.

Подведем итоги. Нет никаких оснований для утверждения об антирусской политике режима Струензе. Помимо того, о чем у нас шла речь, добавим несколько соображений. Струензе стоял у власти всего 16 месяцев. За столь небольшой период нельзя отметить признаков коренного перелома во внешней политике одного из самых небольших европейских государств. Естественно, что политика малой страны должна была определяться в первую очередь отношениями с великими державами — с Россией прежде всего. И мы пришли к выводу, что политика датского реформатора была нацелена на сохранение добрых отношений с Россией.

Дело Струензе волновало всю образованную Европу и было крупнейшей сенсацией кануна Великой французской революции. Событиями в Копенгагене живо интересовались Гете, Вольтер, Клобшток, Лессинг, Кондорсе. Попыткой воплотить идеи просвещенного абсолютизма в Дании интересовались и в России, и не только во дворце императрицы. Но этот вопрос заслуживает специального исследования.

⁶⁴ Там же, стр. 239—240.

⁶⁵ Там же, стр. 258.

⁶⁶ Там же, стр. 262.